

Майя Кучерская

Станция «Арбатская»

*Часть сборника
Москва: место встречи
(сборник)*

Майя Александровна Кучерская

Станция «Арбатская»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22016373

Москва: место встречи : городская проза / Сост. Елена Шубина, Алла

Шлыкова.: Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной; Москва;

2016

ISBN 978-5-17-099718-3

Аннотация

«...В магазинах глазированные сырки не продавались. Они прятались в прохладном тайном подвале огромной сырковой семьей. Никто не знал, где они живут. Только дядька. Взять сырки днем было невозможно, зато ближе к вечеру, едва первый сумрак касался земли, сырки – ничего не могли с собой поделать – засыпали, укладывались ровными рядами в коробке, дядька беззвучно прокрадывался к ним, похищал два-три и являлся...»

Майя Кучерская

Станция «Арбатская»

Ветер на «Ждановской» дул такой, что добивал до Арбата. Мчался сквозь сумрачный зимний город, по Калининскому, нырял в улицу, вспыхивал серебром в троллейбусных рожках, летел мимо «Самоцветов» и «Охотника», обрушивался в проулок с серо-желтым зданием театра на углу и темнолицым дядькой в тулупе, стоявшим напротив. Обтекал грубые красные руки. Не замечая: на дощатом грязном ящике перед дядькой лежали, испуская северное сияние, освещающая весь этот меркнувший зимний день... не замечая, что там.

Просвистывал сквозь высокую арку, вlepлял шлепок гладенькому каменному ведру вверх дном, растущему здесь, чтоб повозка не билась о стену, с стародавних времен. Взлетал по вдавленным низким ступенькам подъезда, ударял в деревянную дверь со всей молодецкой дури. Не тут-то было. Обиженный щенячий взвыв, подхваченный стенами парадного, бессильно таял в бесконечной высоте под потолками.

Арбат стоял крепко, Арбат и был дом, крепость, с обжигающими наваристыми щами, шипящими на чугунной сковороде котлетами – растущими в миске горой, ешь скорей, остынет! Студнем, холодцом, капустой, пирогами, блинами (бабушка), рогаликами, сухариками, тортиком, блинчиками

(Верочка), ледяной водой, бьющей из начищенного медного крана – только потом появилась колонка. С бесконечной добротой слов, рук – дед.

Он единственный разговаривал со мной подолгу, возвращался с работы светлым апрельским вечером, доставал из кармана черепаховый очешник – ну-ка, где мои очки? Щелкает упругая кнопка, а там – цветочки желтенькие вместо очков! В бархатной красной подкладке улегся набранный букетик. Тебе нарвал. Мать-и-мачеха. «Снег вон еще лежит», – строго вступает бабушка. А я нашел. На солнышке уже выросли. Для тебя. Меня? Я не могу поверить. Но все, что он делал, было для меня. Кораблик, складной, газетный, поплыл по Москве-реке, куда же он доплывет? До моря. Стишки – неведомые, детские, выкопанные неведь откуда, шуточки бережные. Шоколадки с неизменной девочкой в платочке. На тебя похожа, смотри.

Русский сероглазый крестьянин с мягким лицом потомственного интеллигента. Он приехал в Москву из деревни – однако знал всё, что нужно для жизни; например, что с ребенком важно разговаривать. Рассказывать ему не по книжкам про звезды на небе, что они вовсе не маленькие точки – громадные планеты, и свет их струится на землю много лет, и про воздух, почему он такой вкусный весной, и про наш город, как сначала он был весь в деревянных домиках по краям, каменный только в середине, а в одном таком, деревянном, жил раньше он, мой дедушка.

Однажды на дне бабушкиного чудесного ящика с пуговицами – всех оттенков и мастей, с тряпочной шляпкой и металлической, простушками и королевами, сверкающими драгоценными гранями, – обнаруживаются две медали, явно давным-давно здесь забытые, окутанные нитками, – с черно-оранжевым полосатым верхом. Что это? «Это дедовы, с войны». Так я узнаю, что дедушка воевал. Медали бабушка забирает и прячет – не место им все же среди пуговиц.

Но стоп-стоп. Кому первому воздать мне? С чего начать? Дедушка сам, помимо авторской воли, уже вырос на пороге, с цветочками, а дальше – кому? Надо бы бабушке, но сначала все же глазированным сыркам.

Дядька появлялся и исчезал на нашей улице напротив театра Вахтангова по своему таинственному графику, чаще его не было, но изредка он все-таки стоял. Нет, он нарочно ждал нас, пока мы с бабушкой вернемся. После «кружка» зайдем в «Диету» за хлебом, я («тымояпомощница») встану в очереди к прилавку, пока бабушка – в очереди в кассу, деловито двинемся дальше – картошка кончается, зайдем и за картошкой в пахнущий сухой землей овощной.

По дороге домой он подстережет нас – и выпрыгнет. В ушанке, с сырками в синей серебристой обертке, выложенными на деревянном не слишком чистом занозистом ребре ящика. Прибережет для нас ровно два. Отрежет на бабушкин вздох: «Последние!»

В магазинах глазированные сырки не продавались. Они

прятались в прохладном тайном подвале огромной сырковой семьей. Никто не знал, где они живут. Только дядька. Взять сырки днем было невозможно, зато ближе к вечеру, едва первый сумрак касался земли, сырки – ничего не могли с собой поделать – засыпали, укладывались ровными рядами в коробке, дядька беззвучно прокрадывался к ним, похищал два-три и являлся.

«Кружком» называлась прогулка с Надеждой Сергевной, седенькой старушкой в бежевом пальто с желтым меховым воротником. Надежда Сергевна гуляла в овальном сквере (отсюда и «кружок»), окаймленном низкой узорчатой оградой, возле высокого строения – дедушка говорил, там делают мультики; много лет спустя, после ремонта и постановки креста, обнаружилось: это церковь! С другой стороны красовался особняк с неизменным милиционером в будочке (позже выяснилось: резиденция американского посла).

Надежда Сергевна совсем не похожа на воспитательниц. Во-первых, она старенькая, во-вторых, никогда не ругается, всегда называет меня по имени и разрешает делать всё. Только она немного глупая. Вот вам пример.

Как-то раз Ленка, моя подружка, приходит от врача и приносит на кружок ровную деревянную палочку с закругленьями на концах! Этой палочкой Ленке смотрели горло. Ленка говорит: только это не простая палочка, волшебная, знаешь? Но мне не дает. Даже подержать не дает! Я плачу. Дай, дай мне волшебную палочку! Надежда Сергевна уже торопится

к нам. «Что ты, не плачь!» – и протягивает мне подобранную с земли веточку дерева: вот тебе волшебная палочка. Глупая Надежда Сергевна, какая ж это волшебная?

Но ссоры случаются редко; обычно мы живем мирно, играем в «колдунчики», море-волнуется, просто салки. Рисуем мелками лимонно-розовые домики и принцесс. Вырастим большие, будем играть в классики, как взрослые девочки-первоклассницы, которые иногда забегают на наш кружок и прыгают по квадратам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.